Александру Израилевичу Рапопорту на добрую память отъ Автора.

ПОѢЗДКА

въ

ЮЖНО-РУССКІЯ ЕВРЕЙСКІЯ КОЛОНІИ.

(ПУТЕВЫЕ НАБРОСКИ).

Л. М. Брамсона.

Съ приложеніемъ собранныхъ на мѣстѣ матеріаловъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.
1894.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12-го Ноября 1894 года.

I.

По пути въ колоніи.

Я выѣхалъ изъ Петербурга съ цѣлью посѣтить еврейскія колоніи на югѣ. Цѣль моей поѣздки была для меня совершенно ясна: мнѣ хотѣлось собственными глазами видѣть то, что рисовалось только въ воображеніи, о чемъ я давно читалъ въ книгахъ и газетахъ, хотѣлось видѣть глазами *еврейскую* деревню, *еврейскія* поля, посмотрѣть на еврейское хозяйство, еврея-земледѣльца, еврейскихъ крестьянскихъ дѣтей... Въ планъ моего путешествія входило, главнымъ образомъ, ознакомленіе съ *екатеринославскими* колоніями. По книжкамъ и статьямъ я уже зналъ наизустъ названія всѣхъ екатеринославскихъ колоній,—но о томъ, какъ въ эти колоніи пробраться, находится ли хоть одна изъ нихъ при желѣзной дорогѣ или чрезъ какую станцію удобнѣе всего туда проѣхать, я не имѣлъ никакого точнаго представленія. Заглядывалъ и въ «Путеводитель» Ландцерта, и въ «Указатель» Фрума,—но напрасно: еврейскія колоніи оказывались словно не признанными въ географіи; справочная литература явно ихъ игнорировала.

Я рѣшилъ, что лучше всего—ѣхать прямо въ губернскій городъ Екатеринославъ; тамъ—разсуждалъ я—разрѣшатъ всѣ мои сомнѣнія, все разскажутъ и всему научатъ. Въ Екатеринославѣ—помнилъ я—проживаетъ мѣстный уполномоченный земледѣльческаго фонда, въ Екатеринославѣ печатались недавно фоліанты съ описаніемъ колоній и обстоятельными о нихъ таблицами; наконецъ, изъ Екатеринослава же пишутъ всегда столь подробныя и трогательныя письма о колоніяхъ. Но—увы!—Екатеринославъ не оправдалъ моихъ ожиданій. Во первыхъ, городъ самъ по себѣ оказался далеко не привлекательнымъ, — но это обстоятельство, впрочемъ, къ вопросу о колоніяхъ отношенія не имѣетъ. Во вторыхъ, полученныя въ этомъ городѣ свѣдѣнія о маршрутѣ въ ко-

лоніи оставляли многаго желать въ смыслѣ точности и ясности. И неудивительно. Мѣстный уполномоченный земледѣльческаго фонда—человѣкъ несомнѣнно симпатичный, умный, наблюдательный, преданный идеѣ колонизаціи; онъ видѣлъ многихъ колонистовъ, обращавшихся къ нему за пособіями, часто бесѣдовалъ о колоніяхъ съ представителями оффиціальнаго попечительства, но... онъ никогда въ колоніи не ѣздилъ, никого туда не провожалъ. Корреспонденты—также люди хорошіе; но и они колоній въ глаза не видали, а ихъ представленія о дорогѣ въ колоніи совсѣмъ смутныя. Что касается авторовъ объемистыхъ трактатовъ о колоніяхъ, то мнѣ съ ними, правда, не пришлось познакомиться лично, но объ одномъ изъ нихъ — господинѣ съ громкимъ титуломъ и претензіями на ученость — я совершенно точно узналъ впослѣдствіи *, что въ отношеніи личнаго знакомства съ колоніями и онъ не далеко ушелъ отъ моихъ екатеринославскихъ друзей. Послѣдніе, по крайней мѣрѣ, откровенно сознавались въ своемъ невѣдѣніи,—упомянутый же авторъ съ такимъ апломбомъ говоритъ о каждой изъ колоній, словно онъ въ ней дѣйствительно былъ, лично разспрашивалъ, лично свѣдѣнія собиралъ и пр. Какъ бы то ни было, фактъ тотъ, что мнѣ удалось найти только въ Екатеринославѣ нѣкоторые интересные для общаго знакомства съ колоніями документы и таблицы (см. ниже *Приложенія*), но ни я, ни мой спутникъ не получили никакого конкретнаго представленія о предстоящемъ путешествіи. Мы и не сразу выбрались изъ Екатеринослава: сначала намъ говорили, что путь лежитъ чрезъ Александровскъ, потомъ совѣтовали ѣхать чрезъ ст. Просяную ночнымъ поѣздомъ; таковаго, однако, не оказалось,—пришлось ночевать въ скверной гостинницѣ, а утромъ опять спѣшить на вокзалъ. Но вотъ мы уже въ вагонѣ.

Отъ Екатеринослава до Просяной (станціи Екатерин. ж. д.)—часовъ шесть ѣзды, но намъ эти часы казались безконечно длинными и томительными. День стоялъ знойный, душный... Видъ изъ оконъ открывается довольно однообразный: поля или степи; ни холмика кругомъ, ни куста, ни дерева... Словно оазисы, мелькали издали деревушки... Два раза намъ сказали, что это нѣмецкія колоніи, въ одномъ случаѣ—греческія. Мы внимательно всматри-

---

* См. ниже.

вались, хотѣлось запомнить общее впечатлѣніе, чтобъ легче было сравнивать. Я разсказалъ моему спутнику, что именно на *внѣшнемъ видѣ* еврейскихъ колоній, ихъ общемъ впечатлѣніи охотнѣе всего выѣзжаютъ враждебные евреямъ авторы описаній. Я вспомнилъ, что эти авторы любятъ говорить объ особомъ «отпечаткѣ запустѣнія и неряшливости», который лежитъ, по ихъ словамъ, на еврейскихъ колоніяхъ, объ облупленныхъ стѣнахъ, продранныхъ крышахъ, отсутствіи хозяйственныхъ построекъ и т. д. Ни я, ни мой спутникъ—не агрономы, не художники, но мы рѣшили внимательно слѣдить за нашими впечатлѣніями, нисколько не скрывая отъ себя истины, напередъ готовые узрѣть всѣ эти отрицательныя стороны колоній, выяснить себѣ причины ихъ или, по крайней мѣрѣ, причины получающагося при видѣ ихъ впечатлѣнія.

А до колоній было еще далеко. Вотъ, наконецъ, и станція Просяная. По полученнымъ въ Екатеринославѣ свѣдѣніямъ, да и по книжкамъ своимъ, я могъ не безъ труда рѣшить, что ближайшая къ «Просяной» колонія—это Богодаревка. Идемъ нанимать экипажъ въ «еврейскую колонію Богодаревку». Какъ городскіе жители, мы искали прежде всего комфорта—коляски или брички съ мягкимъ сидѣньемъ. Но кучера этихъ желанныхъ экипажей были неумолимы; всѣ они оказались «господскими», т. е. не крѣпостными конечно, но тѣмъ не менѣе никому другому на этотъ день не желавшими принадлежать: они ждали своихъ «господъ» (мѣстныхъ помѣщиковъ) со слѣдующимъ поѣздомъ. Пришлось примириться съ перспективой проѣхать часовъ пять-шесть въ простой крестьянской телѣгѣ. Но это еще полъ-бѣды. Никто изъ крестьянъ—обладателей телѣгъ—не зналъ, *гдѣ* собственно обрѣтается «еврейская колонія Богодаревка».

— Въ Ковалевскую, баринъ, изволь, а Бухдаревки нѣтъ у насъ такой,—нашелся вдругъ кто-то изъ нихъ.—Э, да въ Ковалевскую и я повезу,—отозвался другой, третій. Меня обступили 6—7 крестьянъ-возницъ и наперерывъ предлагали свои услуги.

Я тщательно перебиралъ въ своей памяти семнадцать колоній Екатеринославской губ., согласно таблицамъ Улейникова, гр. Канкрина, описаніямъ Случевскаго, Августиновича и др. Нѣтъ «Ковалевской»,—да и только.

— Что жъ такое Ковалевская?—спросилъ я крестьянъ.

— А тамъ жиды, какъ мужики, работаютъ. Деревня, значитъ, «еврейская», — заговорилъ молодой, словоохотливый парень. — И ежели барину въ «еврейскую кулонью», — значитъ Ковалевску, потому Роскошна, Надежна—тоже «ихнія» кулоньи—далече.

Заслышавъ знакомыя названія, красовавшіяся въ моихъ таблицахъ, я успокоился и рѣшилъ про себя, что должно быть, «Ковалевская» и «Богодаревка» одно и то же. Такъ оно и оказалось впослѣдствіи, и я имѣлъ лишнее доказательство того, какъ трудно ограничиваться свѣдѣніями, почерпнутыми изъ книжекъ или отъ людей, не видавшихъ колоній. Нужно непремѣнно все самому видѣть!—говорилъ я себѣ мысленно. Мы уже усаживались въ довольно примитивно устроенную телѣгу словоохотливаго молодого крестьянина, и желаніе поскорѣе лично видѣть еврейскія колоніи было въ насъ сильнѣе, чѣмъ когда либо...

Крестьянинъ, съ которымъ мы ѣхали, оказался очень цѣннымъ для насъ собесѣдникомъ. Прежде всего, мы узнали отъ него много интереснаго о строѣ сельской жизни въ краѣ, объ условіяхъ крестьянскаго хозяйства, о дѣятельности земства и пр. Когда мы проѣзжали чрезъ какое-либо село, деревню или хуторъ (а ихъ по дорогѣ въ Богодаревку не мало), онъ обязательно сообщалъ намъ, какъ и чѣмъ тамъ крестьяне живутъ, какова земля, каковъ помѣщикъ и пр. Въ одной изъ этихъ деревень—М. Михайловкѣ—онъ самъ ведетъ хозяйство вмѣстѣ со старикомъ-отцомъ. Мы сочли полезнымъ для нашей цѣли подольше остановиться въ этой деревнѣ; онъ охотно показалъ намъ свой дворъ, заходилъ съ нами къ сосѣдямъ, показывалъ орудія, объяснялъ, почему они за землю держатся, почему въ городъ не уходятъ, почему садовъ не заводятъ и т. д. Въ словахъ простодушнаго крестьянина было, конечно, много наивнаго, но мы ему значительно обязаны тѣмъ общимъ представленіемъ, которое мы на конкретныхъ примѣрахъ получили о жизни крестьянъ въ Новороссіи. Въ общемъ, благосостояніе новороссійскаго крестьянина незавидно: онъ много страдаетъ отъ засухи, способы обработки земли еще довольно примитивны; при сѣяніи и молотьбѣ много зерна пропадаетъ даромъ. Къ тому, чтобъ вводить культуру техническихъ или плодовыхъ растеній, онъ мало склоненъ; особой рачительности и аккуратности не замѣчается; противъ требованій опрятности и гигіены

крестьяне сильно грѣшатъ; деревню свою любятъ; грамотность съ каждымъ годомъ развивается.

Общее впечатлѣніе, производимое этими деревнями,—я говорю не объ одной М. Михайловкѣ, а обо всѣхъ видѣнныхъ мною затѣмъ селеніяхъ,—далеко не всегда благопріятное. О бѣдности крестьянъ говоритъ и жалкое состояніе жилищъ, и недостатокъ зелени, и малочисленность скота на пастбищахъ, и наконецъ бѣдность обстановки внутри избы. Но всѣ они живутъ и перебиваются. Одно только русское селеніе (не могу припомнить въ настоящую минуту его названія) обратило наше вниманіе и по своему болѣе нарядному виду производило впечатлѣніе богатаго села: оно дѣйствительно могло сравниться съ хорошей нѣмецкой колоніей. Но изъ другихъ 10—15 видѣнныхъ мною деревень я не рѣшусь ни одну поставить выше даже плохой еврейской колоніи. Я положительно въ этомъ убѣдился.

Продолжаю однако по порядку. Послѣ того какъ мы вдоволь разспросили крестьянина объ общихъ условіяхъ быта, я перевелъ разговоръ на тему о еврейскихъ колоніяхъ.

— Ты, скажи, у евреевъ въ ихъ деревняхъ бывалъ?—спросилъ я его осторожно.

— Какъ не бывать... Да я въ «Ковалевской» три года въ батракахъ служилъ, у одного тамошняго. Только на праздники къ себѣ въ Маломихаловку ѣздилъ... У евреевъ ничего служить, только ужъ очень они чудные, баринъ...

— Чѣмъ «чудные»?—спросилъ я.

— Чуть только у нихъ, значитъ, шабашъ, совсѣмъ работать не хотятъ, а молятся совсѣмъ чудно: качаются, качаются, бормочатъ—ничего не поймешь...

Онъ собирался уже разсказать мнѣ про другія этнографическія особенности евреевъ,—результатъ своихъ трехлѣтнихъ наблюденій, но меня интересовалъ другой вопросъ.

— А какъ они: хорошо на полѣ-то работаютъ? Дѣло крестьянское понимаютъ?

— Какъ, баринъ, сказать... Есть такіе, что понимаютъ, совсѣмъ какъ мужики,—хорошіе, значитъ, работники; и такіе есть, что совсѣмъ слабенькіе. Мой-то хозяинъ старикъ: за-всегда ужъ я лучше его все сдѣлаю, потому понимаю. А какъ дѣти у него под-

росли,—они и спорить стали, замѣсто меня въ работу пошли. Вонъ старшаго-то сына у Маломихаловки на возу встрѣтили...

Я вспомнилъ, что дѣйствительно часа два тому назадъ намъ попался на встрѣчу возъ съ сѣномъ, на которомъ сидѣлъ смуглый, рослый парень, въ сѣрой свитѣ. Но мнѣ и въ голову не приходило, что это—еврей, первый еврей-земледѣлецъ, котораго я видѣлъ въ моемъ путешествіи. Въ общемъ среди колонистовъ сохранился довольно рѣзко національный типъ,—но то, что среди молодежи попадаются уже субъекты, которыхъ среди бѣла дня не отличишь отъ другихъ крестьянъ, не лишено, думаю, интереса.

— Что, тебя не обижали, какъ жилъ у нихъ?

— Обижать не обижали, а денегъ мало получалъ... Потому съ нихъ, съ жидовъ-то, больше спрашиваютъ и не всякую землю дадутъ. А они и плачутся: «земли мало», «дорого платимъ», даже на харчи не прибавятъ... Жиды, одно слово—жиды!—неожиданно прибавилъ онъ.

— Не любятъ, значитъ, у васъ жидовъ?

— А, намъ что... Пусть ихъ. Нешто мѣшаютъ? Кабы не вѣра ихняя жидовская, совсѣмъ мужики... Я-то ихъ знаю, и всѣхъ шульцевъ ихнихъ зналъ; и «кучки», что строятъ, знаю... Да какъ кормятъ-то въ «кучкахъ» этихъ самыхъ,—хорошо давича накормили,—осклабился онъ.

Стемнѣло. Разговоръ какъ то не клеился болѣе. Мы убѣдились, что пріѣдемъ въ Богодаревку не ранѣе одиннадцати. На дальнемъ горизонтѣ появилась луна, кое-гдѣ показались звѣзды. Кругомъ стояла тишина. Мужикъ затянулъ какую-то странную, не то заунывную, не то солдатскую пѣснь.

Вдругъ гдѣ-то вблизи раздался лай собакъ. Мы приближались къ Богодаревкѣ.

II.

Колонія Богодаревка-Ковалевская.

Передъ нами былъ длинный рядъ домовъ, по обѣ стороны дороги. Колонисты спали. Въ немногихъ окнахъ свѣтился огонекъ, но на улицѣ ни живой души...

Мы велѣли нашему парню подъѣхать къ шульцу (старостѣ) колоніи. Помимо того, что знакомство съ такою персоною должно

было облегчить намъ ознакомленіе съ колоніей, мы предполагали, что это вѣроятно одинъ изъ наиболѣе состоятельныхъ и домовитыхъ колонистовъ. Въ нашемъ воображеніи рисовался уже удобный ночлегъ въ просторной избѣ этого «шульца», деревенскій ужинъ, деревенское молоко. Насъ ждало разочарованіе: изба его оказалась на запорѣ, а самъ обладатель избы, господинъ выборный сельскій староста, изволилъ ночевать на свѣжемъ воздухѣ, забившись на дно телѣги и не позаботившись даже устлать это дно сѣномъ или соломой въ достаточномъ количествѣ. Мы разбудили его. Это былъ еще не старый человѣкъ, лѣтъ 35—40, высокій, плечистый, съ загорѣвшимъ отъ солнца лицомъ, съ темнорусой бородой, съ неуклюжею, чисто-деревенскою походкою; по типу онъ смахивалъ на нѣмца-колониста. Повидимому, мы имѣли дѣло съ представителемъ второго поколѣнія, человѣкомъ, который въ колоніи выросъ, на земледѣльческой работѣ окрѣпъ и сложился. Я показалъ ему рекомендательное письмо, которымъ меня снабдили въ Екатеринославѣ. Увы!—этотъ «мэръ» колоніи не умѣлъ читать по писанному... Я прочелъ ему бумагу вслухъ; онъ сталъ съ растеряннымъ видомъ оправдываться, почему самъ спитъ на дворѣ: у него идетъ ремонтъ или что-то въ этомъ родѣ, и потому онъ поведетъ насъ къ Э., одному изъ болѣе состоятельныхъ колонистовъ колоніи.

Нечего дѣлать. Мы пошли за нимъ въ одинъ изъ сосѣднихъ дворовъ къ старику Э. Онъ еще не спалъ. Онъ встрѣтилъ насъ очень радушно, разбудилъ одну изъ старшихъ дочерей. Та позаботилась объ ужинѣ для насъ, приготовила для насъ постель на ночь. Ужинъ былъ неизысканный, но мы были довольны...

Старикъ Э. охотно разговорился съ нами: разсказалъ намъ исторію колоній, первыя впечатлѣнія выходцевъ изъ Витебской губерніи, какъ они лѣтъ 40 тому назадъ явились въ эти пустынныя мѣста, какъ они страдали отъ цинготной болѣзни, какъ многіе убѣгали въ первые же годы... Теперь, по его мнѣнію, богодаревцы устроились не дурно; скверно только, что аренда земли обходится очень дорого (до 8 руб. десятина); семьи разростаются, а земли не хватаетъ... Въ Богодаревкѣ оффиціальныхъ хозяйствъ 35, но среди нихъ много такихъ, которымъ пришлось раздѣлиться, такъ что правильнѣе считать 50. Урожай въ прошломъ году былъ хорошъ, въ этомъ—плоховатъ. Сѣютъ у нихъ больше всего яровой пшеницы. Въ прошломъ году засѣяли яровою хлѣба 1200 дес.,

собрали около 7000 четвертей. Озимаго хлѣба посѣяли 110 четв. на 176 дес., но всходы были скверные. Къ разведенію деревьевъ старикъ, повидимому, относился скептически; въ Богодаревкѣ посадили въ прошломъ году болѣе 5000 саженцевъ, но не всѣ принялись. Самъ онъ теперь мало работаетъ, но хвасталъ сыновьями, которые цѣлый день на полѣ и прекрасно управляются съ его сравнительно немаленькимъ хозяйствомъ (онъ арендуетъ нѣсколько десятковъ дес. изъ запасныхъ участковъ).

На большихъ старинныхъ часахъ, вывезенныхъ должно быть со старой родины, пробило полночь. Мы считали себя не вправѣ задерживать нашего гостепріимнаго хозяина и сами также были не прочь отдохнуть...

Утромъ насъ ждали новыя впечатлѣнія.

Когда мы проснулись, семья Э—на уже вся была въ полѣ, а «самъ» ушелъ въ синагогу. Только старшая дочь хозяина осталась поджидать, пока мы проснемся. Она наперерывъ предлагала намъ молоко, сметану и другія деревенскія прелести. Но мы спѣшили, закусывали на-скоро и больше интересовались тѣмъ, что наша юная собесѣдница разсказывала намъ о своей роли въ хозяйствѣ и своемъ участіи въ полевыхъ работахъ. Оказалось, что обыкновенно она не отстаетъ отъ другихъ братьевъ и сестеръ; не дальше какъ вчера она ходила съ «косилкою», вязала снопы; она наивно признавалась, что въ «степи» * сильно печетъ, но она привыкла, и ей это уже ни по чемъ... Вообще, лѣто ей больше по душѣ, чѣмъ зима, когда приходится цѣлые дни дома сидѣть, чулки вязать, рубашонки шить,—тоска да и только...

Все это говорилось просто, искренно, на довольно правильномъ русскомъ языкѣ, хотя особый акцентъ чувствовался.

Я внимательнѣе оглядѣлъ молодую дѣвушку: стройная брюнетка, съ живыми, бѣгающими глазами, длинной, черной косой въ чистенькомъ ситцевомъ платьѣ, въ городскихъ башмакахъ, она мало походила на крестьянку,—и въ другомъ мѣстѣ, при другихъ условіяхъ, мы навѣрное приняли бы ее за типичную «обывательскую дочку». Но мы скоро убѣдились, что предъ нами дѣйствительно сельская жительница, «дитя природы», какъ выразился мой сентиментальный спутникъ. По мысли этого послѣдняго, я

* Такъ колонисты называютъ на югѣ поле.

предложилъ молодой дѣвушкѣ, не желаетъ ли она, чтобъ мы прислали ей на память нѣсколько интересныхъ книжечекъ. Она потупила глаза и покраснѣла. Сначала мы думали, что наша пріятельница обидѣлась; оказалось, однако, что—какъ большинство колонистовъ и особенно колонистокъ—она не умѣетъ вовсе читать по-русски! Но это былъ, такъ сказать, только отрицательный и довольно безотрадный признакъ. Когда мы затѣмъ еще разъ заходили къ Э., мы увидѣли и положительные признаки; мы не сразу узнали тогда нашу знакомую: въ простомъ рабочемъ платьѣ, съ корытомъ въ рукахъ, засучивъ рукава, она суетилась на дворѣ; схвативъ въ охапку сѣна, она бѣгомъ направлялась въ пріютившійся на задворкахъ хлѣвъ, гдѣ повидимому не то доила, не то кормила корову; пропала вся прежняя застѣнчивость, лицо у нея было разгоряченное, коса на половину распустилась; торчавшая у нея въ рукахъ охапка сѣна придавала ей именно видъ совсѣмъ крестьянской дѣвушки. Я сильно упрекалъ себя въ этотъ моментъ за пришедшее мнѣ раньше въ голову сравненіе съ обывательскою дочкою.

Но это было уже на обратномъ пути. А пока мы прошлись по колоніи. Богодаревка—одна изъ среднихъ колоній по благосостоянію своихъ обитателей. Внѣшній видъ ея довольно пріятный. Тамъ и сямъ виднѣются садики. Избы, крыши цѣлы и приличны. На лѣвой сторонѣ главной улицы наше вниманіе остановило на себѣ большое каменное зданіе, замѣтно выдѣлявшееся изъ среды другихъ домовъ. Какъ истый представитель бюрократической столицы, я принялъ это зданіе за какое-нибудь мѣстное «правительственное учрежденіе»: сельскій приказъ, волостное правленіе и т. п. Мой спутникъ высказалъ предположеніе, что это синагога. И онъ былъ правъ: попавшійся намъ навстрѣчу здоровенный, бойкій мальчуганъ лѣтъ 14 подтвердилъ его предположеніе.—То «школа наша»,—отвѣтилъ онъ на мой вопросъ, отождествляя, очевидно, слово «школа» съ молельней. О томъ, что въ Богодаревкѣ, и вообще въ екатеринославскихъ колоніяхъ, нѣтъ школы въ настоящемъ смыслѣ слова, я зналъ уже раньше. Мы просили мальчика провести насъ въ ближайшій хедеръ.

— Не могу, мнѣ надо обратно въ «степь», меня тамъ съ «косилкою» ждутъ—сказалъ онъ такимъ рѣшительнымъ дѣловымъ тономъ, что мы не смѣли настаивать.—Вотъ пройдите сами, тутъ

близко, третій домъ. У насъ не одинъ только этотъ хедеръ,—прибавилъ онъ:—еще два меламда ребятъ учатъ, да у этого дѣтей больше, чѣмъ у другихъ. И я у него учился, но вотъ съ тѣхъ поръ какъ отецъ къ себѣ въ помощь взялъ—ужъ гдѣ тутъ ученье?..

Самого меламда еще не было, но дѣти всѣ были въ сборѣ и вслухъ повторяли на распѣвъ прошлый урокъ — главу изъ Библіи. Комната была маленькая, скамейки скверныя, мало воздуху и мало свѣту. Ученіе еще только начиналось, а на дѣтскихъ личикахъ уже лежала печать усталости, отсутствія интереса. Всѣ они смотрѣли какими-то забитыми, придавленными.

— Какъ тебя зовутъ? — обратился я къ одному изъ нихъ. Молчаніе. — Сколько тебѣ лѣтъ? — спросилъ я другого. Опять молчаніе.

— Да они, господинъ, ничего не понимаютъ, коль съ ними такъ говорить, — отозвался, наконецъ, сидѣвшій у края стола мальчикъ.—Они только по еврейски понимаютъ.

Печальное открытіе! Я пустилъ въ ходъ жаргонъ: дѣти оживились, разсказали, что всего ихъ ходитъ къ этому меламду 14 мальчиковъ; теперь ихъ только 11, остальные на полѣ; большинство въ возрастѣ отъ 6 до 8 лѣтъ; они скоро окончатъ чтеніе Пятикнижія; по русски очень хотѣли бы учиться, но меламедъ самъ также не знаетъ русскаго языка; только одинъ, заговорившій со мною раньше, мальчикъ, жившій нѣкоторое время съ отцемъ въ сосѣднемъ городѣ, понималъ русскую рѣчь и, повидимому, пользовался въ виду этого у своихъ сверстниковъ нѣкоторымъ престижемъ. Меламедъ былъ изъ строгихъ: по части тѣлеснаго наказанія держался теорій кн. Мещерскаго; гигіены, свѣжаго воздуха не жаловалъ. Однимъ словомъ, предъ нами былъ обычный, традиціонный хедеръ со всѣми его аттрибутами,—хедеръ, гдѣ насилуется натура ребенка, неправильно развивается его умъ и заглушается всякое чувство природы...

Намъ стало жаль бѣдныхъ дѣтей. Мы вышли отъ нихъ съ тяжелымъ чувствомъ и направились въ синагогу. Послѣдняя только снаружи производитъ внушительное впечатлѣніе; обстановка внутри скудная. Въ тотъ моментъ, когда мы вошли, молилось всего человѣкъ 15—20, преимущественно старики. Я вспомнилъ по этому поводу о недавнемъ посѣщеніи одной провинціальной еврейской богадѣльни, гдѣ также собирались на молитву

одни старики. Но какая глубокая разница,—невольно подумалъ я, глядя на молящихся колонистовъ.—*Эти* старики, піонеры колонизаціи, выростили уже поколѣніе дѣльныхъ, здоровыхъ хлѣбопашцевъ; они живутъ теперь трудами сыновей и внуковъ, ихъ старость обезпечена, они никого не обременяютъ; ихъ опытомъ и житейскими знаніями пользуются на каждомъ шагу. *Тѣ*—безпомощные инвалиды городскихъ профессій, брошенные на произволъ судьбы дѣтьми, которыхъ они никогда не въ состояніи были ни обезпечить, ни вывести въ люди. На стоявшихъ предъ нами старикахъ - земледѣльцахъ сказывалось во всей силѣ то основное преимущество земледѣльческаго промысла предъ другими, что при немъ устойчивѣе благосостояніе семьи, профессія отца легче можетъ перейти къ сыну, семья живетъ тѣснѣе. Нѣтъ молодыхъ пролетаріевъ, еще полныхъ силъ и здоровья, но изнывающихъ отъ бездѣлья; нѣтъ и дряхлыхъ безпріютныхъ старцевъ. Среди колоніальныхъ учрежденій совершенно отсутствуетъ поэтому неизбѣжный въ еврейскихъ городахъ «гекдешъ», а среди колонистовъ (въ тѣсномъ смыслѣ слова) * нѣтъ людей безъ дѣла, всѣ трудятся,—трудятся честно, другъ съ другомъ не конкуррируя, охотно другъ другу помогая.

Съ такими мыслями я выходилъ изъ синагоги и предполагалъ заняться болѣе подробнымъ осмотромъ хозяйства богодаревскихъ колонистовъ, а также посмотрѣть работающихъ въ полѣ мужчинъ и женщинъ. Но въ колоніи успѣли разузнать о нашемъ пріѣздѣ, и у порога синагоги насъ поджидала уже кучка евреевъ съ какимъ-то спеціальнымъ дѣломъ.

— Извините за безпокойство—заговорилъ одинъ изъ нихъ.—Посовѣтуйте, пожалуйста, какъ намъ быть?.. Уже лѣтъ 8—10, какъ насъ уволили изъ числа колонистовъ; искали мы, каждый въ своемъ родѣ, дѣла въ Маріуполѣ, Александровскѣ, Екатеринославѣ, а толку мало. Вотъ какъ бы намъ сдѣлать, чтобъ позволили опять въ колонистахъ быть? Писали мы прошенія, только ничего не вышло. Ужъ вы за насъ похлопочите. Одна наша надежда на землю да хозяйство, это дѣло мы знаемъ, а не то въ городѣ совсѣмъ сгинешь...

---

* Пролетаріатъ въ колоніи составляютъ только „бывшіе колонисты“ (см. ниже).

Я подробнѣе разспросилъ моихъ собесѣдниковъ; узналъ, что въ одной Богодаревкѣ 16—18 такихъ бывшихъ колонистовъ; многіе изъ нихъ арендуютъ по нѣсколько десятинъ, но надѣла имъ не возвращаютъ и къ запаснымъ участкамъ также не допускаютъ. Они просились уже и въ Палестину, и въ Аргентину, такъ какъ ихъ единственное желаніе—вернуться къ привычному, старому дѣлу. Обидно было за этихъ выбитыхъ изъ колеи людей, но помочь ихъ горю было трудно. Законъ, какъ извѣстно, неумолимо строгъ къ тѣмъ колонистамъ, которые признаны были повинными въ нерадѣніи къ своему хозяйству...

Въ томъ, что при населеніи въ 400 приблизительно человѣкъ колонія выдѣлила нѣсколько десятковъ человѣкъ, отставшихъ на нѣкоторое время отъ земледѣлія, нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго. Такое явленіе, какъ указываетъ историческій опытъ другихъ странъ, неизбѣжно при всякой колонизаціи. Гораздо удивительнѣе то, что процентъ этотъ за 39 лѣтъ, истекшихъ со времени основанія колоніи, сравнительно такъ малъ; и характерно, что люди, пострадавшіе за свое временное легкомысліе въ этомъ направленіи, теперь всѣми силами стремятся вновь заняться обработкой собственнаго участка земли...

III.

На полѣ.

Приближался полдень... Намъ нельзя было слишкомъ долго оставаться въ Богодаревкѣ, такъ какъ мы хотѣли еще въ тотъ же день побывать въ нѣсколькихъ колоніяхъ. Ближайшимъ образомъ насъ интересовала «Надежная», которую многіе считаютъ чуть ли не лучшею изъ всѣхъ екатеринославскихъ колоній. Объ этой колоніи прекрасно отзываются и представители маріупольскаго попечительства о колоніяхъ. Когда заходила рѣчь объ устройствѣ образцоваго питомника или учрежденіи центральной сельско-хозяйственной школы для колоній, они всякій разъ рекомендовали именно Надежную. Наши пріятели въ Богодаревкѣ, среди разговора съ нами, также указывали не разъ, что вотъ въ Надежной «колонистамъ куда лучше живется».

— Почему?—освѣдомлялись мы.

— У нихъ какъ-то все хозяйство лучше идетъ, и дома по-

лучше, и машинъ больше.—А работаютъ не больше нашего,—огорчался одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ.

Сравнить и провѣрить, кто дѣйствительно болѣе работаетъ, богодаревцы или надежновцы, было довольно мудрено. Въ полѣ даже опытный глазъ не отличитъ обитателя болѣе удачной колоніи отъ обитателя менѣе удачной, какъ вообще трудно отличить во время работы еврея-земледѣльца отъ нееврея. Когда мы отъѣхали нѣсколько сотъ саженъ отъ Богодаревки, передъ нами раскинулась по правую сторону дороги обширная поляна, на которой виднѣлись въ разныхъ мѣстахъ небольшія группы жнецовъ и жницъ. Большинство ихъ работало съ жатвенными машинами; при каждой машинѣ двое (очень часто парочно: мужчина и женщина). Вотъ, напр., катится медленно «косилка»: возжи въ рукахъ парня лѣтъ 14, рядомъ ходитъ женщина лѣтъ подъ 40,—вѣроятно, мать молодого колониста. У обоихъ озабоченный видъ, смуглыя, загорѣлыя лица. Они о чемъ-то оживленно разговариваютъ.

— Что—къ вечеру поспѣемъ?—долетѣло до моего слуха. Говорилъ, очевидно, мальчикъ.

— Поспѣемъ, поспѣемъ, душа моя — скороговоркой успокаиваетъ его женщина.

Если бы не акцентъ говорившихъ, я бы ни за что не рѣшился сказать, что предъ нами евреи, родомъ изъ Витебской губерніи. Разговоръ происходилъ у самой дороги. Косилка повернула, и оба стали отъ насъ отдаляться.

— Это изъ вашей деревни?—спросилъ я сидѣвшаго на облучкѣ нашей повозки богодаревскаго старосту.

— Изъ нашей, изъ нашей. Мужъ ейный ужъ года два какъ померъ. Сынишка я помогаетъ. Ничего работникъ.

Минутъ черезъ десять мы опять проѣхали мимо жнущей пары. На этотъ разъ съ косилкой возилось двое мужчинъ—повидимому, два брата. Оба уже въ лѣтахъ: одинъ съ черной взъерошенной бородой, другой помоложе съ чуть пробивающеюся растительностью. Они дѣлали свою работу молча, чинно и важно. Время отъ времени младшій изъ нихъ понукалъ и пристегивалъ лошадку. Обоимъ было жарко; лучи солнца ударяли имъ прямо въ спину и затылокъ. Они обмѣнялись на эту тему нѣсколькими замѣчаніями съ нашимъ возницею и, какъ ни въ чемъ не бывало, двинулись

дальше. Мы долго глядѣли имъ въ слѣдъ и любовались, какъ они, не суетясь и не смущаясь лѣтнимъ зноемъ, дружно продолжали работу на своей полосѣ.

Издали замелькали крыши домовъ. — Колонія «Роскошная» — пояснилъ ѣздившій съ нами еврей. Когда мы подъѣзжали къ этой колоніи со столь громкимъ, многообѣщающимъ названіемъ, намъ послышалось, что кто-то поетъ вблизи насъ. Мы стали оглядываться. Налѣво тянулись колонистскіе выгоны, но—ни живой души. Направо простиралось на половину скошенное поле пшеницы. Кто-то возился съ вязкою сноповъ. Показалась женская фигура: молодая еврейка, съ бѣлымъ платкомъ на головѣ, въ ситцевой кофтѣ и цвѣтной юбкѣ, босикомъ, застѣнчиво высматривала изъ-за колосьевъ, кто ѣдетъ. Пѣніе смолкло. Очевидно, что пѣла именно она. Мы стали спрашивать нашего старосту, часто ли у нихъ дѣвушки поютъ пѣсни? и какія? на какомъ языкѣ? Но онъ даже не счелъ нужнымъ удовлетворить столь празднаго, на его взглядъ, любопытства.

— Кто ихъ знаетъ? Услышатъ, какъ хохлы поютъ, ну и сами начнутъ по ихнему пѣть. А по нашему какія ужъ пѣсни... Баловство одно, да и только.

Мнѣ до сихъ поръ кажется, что нашъ почтенный староста ошибался: нѣсколько разслышанныхъ нами словъ, а также припѣвъ и мелодія указывали, что пѣсня была народно-еврейская, жаргонная. Однако, продолжать нашу экскурсію въ область этнографіи, при такомъ суровомъ отношеніи къ предмету нашего собесѣдника, было безполезно...

За то въ области агрономіи онъ былъ словоохотливѣе. Насъ заинтересовалъ попавшійся намъ у самой колоніи жнецъ, который въ отличіе отъ всѣхъ доселѣ попадавшихся колонистовъ дѣйствовалъ ручнымъ орудіемъ—косою, простою деревенскою косою. Ему было на видъ лѣтъ 55, не менѣе; судя по одеждѣ, это былъ колонистъ не изъ богатыхъ; съ другой стороны, взмахи косою не изобличали въ немъ человѣка съ здоровыми и сильными мускулами. Сутуловатый, тщедушный, онъ очевидно принадлежалъ еще къ поколѣнію выходцевъ изъ Литвы. Роскошная, какъ мы узнали потомъ, основана 39 лѣтъ тому назадъ, и ему могло быть тогда, при основаніи ея, лѣтъ 15—16, не больше. Какъ знать, можетъ быть, въ родномъ Витебскѣ изъ мальчика родные думали выростить слав-

наго «раввина во Израилѣ», и мальчика пичкали талмудическою премудростью, держали цѣлыми днями въ душномъ хедерѣ, но забывали о его физическомъ развитіи. А потомъ, когда нужда толкнула его родителей въ Новороссію, юношу ждалъ другой удѣлъ—сдѣлаться не только самому пахаремъ, но и отцемъ будущихъ пахарей. Тяжело, видно, старику. Мы освѣдомляемся у нашего чичероне, почему въ данномъ случаѣ фигурируетъ коса, въ то время какъ до сихъ поръ мы ничего, кромѣ жатвенныхъ машинъ, на полѣ не встрѣчали.

— У насъ въ Богодаревкѣ тоже такъ,—пояснилъ онъ.—Косилку свою, отдѣльную, имѣетъ только кто побогаче. А ежели кто побѣднѣе, то вмѣстѣ покупаютъ косилку—по два, по три семейства. И когда занята косилка у однихъ, другіе съ простой косой управляются.

IV.

Колоніи Роскошная и Надежная.

Мы опять просили подвезти насъ къ старостѣ.—«Er is af'm Stepp»—раздался извнутри женскій голосъ. Насъ повели къ колонисту З. На наше счастье, онъ только что пришелъ съ поля. З. хорошо зналъ свою колонію, и мы подробно разговорились съ нимъ.

Колонія Роскошная имѣетъ много общаго съ Богодаревкой, какъ въ смыслѣ природныхъ условій, такъ и въ отношеніи состава населенія, но она меньше и бѣднѣе ея. Лѣтъ 10—12 тому назадъ Роскошная считалась изъ первыхъ колоній, теперь она значительно отстала. Изъ общаго числа 30 хозяйствъ около половины снимаетъ еще и на сторонѣ землю. Особенно крупныхъ, богатыхъ хозяевъ нѣтъ. Почти всѣ обрабатываютъ землю безъ помощи стороннихъ рабочихъ. Въ прошломъ году засѣяли всего хлѣбомъ 650 дес. и сняли около 4000 четвертей. Отчасти по настоянію колоніальнаго попечительства, отчасти по желанію самихъ колонистовъ продолжалось на сажденіе лѣсныхъ деревьевъ: ихъ посажено въ прошломъ году до 3800 штукъ.

Живутъ колонисты Роскошной далеко не роскошно. Большинство домовъ состоитъ изъ двухъ частей: на одной сторонѣ—кухня и 2—3 жилыя комнаты, на другой—конюшня, хлѣвъ и т. п. Изъ

30—40 домиковъ мы только при 15 насчитали отдѣльно стоящія хозяйственныя постройки. Синагога въ Роскошной значительно меньше, чѣмъ въ Богодаревкѣ. Имѣется, конечно, море-героэ (толкователь религіозныхъ законовъ, духовный раввинъ), но онъ не пользуется такимъ авторитетомъ, какъ богодаревскій. Послѣдній получаетъ 200 руб. въ годъ, а роскошненскій только 100. Какъ въ Роскошной, такъ и въ Богодаревкѣ ежегодно производятся сборы на «прушимъ» *, и напр., тотъ колонистъ, который потомъ взялся свезти насъ въ Надежную, внесъ за прошлый годъ на этотъ предметъ 6 рублей; другіе же соотвѣтственно съ ихъ благосостояніемъ. Когда я вспоминалъ, съ какимъ трудомъ достаются колонистамъ рубли, приходилось положительно удивляться, съ одной стороны, *ихъ* готовности на подобныя жертвы, съ другой—смѣлости тѣхъ господъ, которые рѣшаются являться сюда съ такими предложеніями...

Обитатели колоніи Роскошной увѣряютъ, что она лишь въ послѣднее десятилѣтіе такъ обѣднѣла. На наши разспросы, чѣмъ объясняется этотъ фактъ, колонисты отвѣчали, что народу становится больше, а *земли мало*; арендныя цѣны стоятъ высоко; послѣднее и неудивительно, такъ какъ имъ дозволено снимать только землю изъ запасныхъ участковъ. За послѣдніе 2—3 года обитатели Роскошной замѣтно прогрессируютъ въ отношеніи хозяйственнаго обзаведенія. У колониста З., напр., кромѣ дома въ три комнаты съ кухнею, имѣются еще конюшня, клуня, амбаръ и флигель, гдѣ помѣщается устроенная его братомъ мыловарня. Опасеніе, что вдвоемъ для нихъ земли не хватитъ, заставило было этого брата переселиться въ городъ. Однако онъ жилъ тамъ недолго и, присмотрѣвшись къ мыловаренному производству, возвратился въ родную деревню, гдѣ не безъ успѣха занимается дѣломъ, составляющимъ въ семьѣ З. весьма кстати пришедшійся подсобный промыселъ.

Недалеко отъ мыловарни, устроенной, конечно, довольно примитивно, помѣщается въ сосѣднемъ строеніи мѣстный хедеръ. Молодой, но чахлый и болѣзненный на видъ меламедъ, обучаетъ дѣтей, наряду съ еврейскимъ языкомъ, и русской грамотѣ, но

---

* Отшельники, молодые люди, посвящающіе себя изученію священныхъ книгъ.

познанія эти преподносятся дѣтямъ въ очень миніатюрной дозѣ. Обстановка хедера столь же убогая, какъ и въ Богодаревкѣ; на дѣтскихъ лицахъ никакого оживленія; при изученіи еврейскаго языка тотъ же крикливый напѣвъ, то же безсмысленное долбленіе словъ безъ пониманія ихъ смысла... Не такая—думали мы въ эту минуту—должна была быть школа въ еврейской деревнѣ!

Роскошная—какъ мы уже сказали—деревня бѣдная, одна изъ бѣднѣйшихъ, какъ намъ потомъ объяснили вполнѣ компетентные люди. Но все-таки, когда мы, выходя изъ хедера, вторично окинули глазомъ всю колонію, мы чувствовали, что мы въ *деревнѣ*,—настоящей деревнѣ, гдѣ еврей-пахарь трудится изо-дня въ день на своей нивѣ (было около 1 часу дня, и почти всѣ взрослые мужчины и многія женщины были въ полѣ), гдѣ онъ исподволь обзаводится и лучшимъ домкомъ, и клуней, и амбаромъ, и лишнимъ плугомъ, и садикомъ. Молодыя, недавно посаженныя деревья виднѣлись тамъ и сямъ. Мы тщетно искали глазами «полуразвалившіяся лачуги», «въ безпорядкѣ валяющіяся по дворамъ земледѣльческія орудія», «грязь въ домахъ, во дворѣ, на улицѣ и всюду» *. Мы такъ и уѣхали, не повидавши этихъ—по словамъ другихъ наблюдателей — «рѣзко бросающихся въ глаза особенностей» всякой еврейской колоніи.

Слѣдующею за Роскошною колоніею оказалась «Пріютная», которая выставлена въ такомъ своеобразномъ видѣ въ одномъ изъ новѣйшихъ описаній колоній. Ея подробный осмотръ мы рѣшили отложить до обратнаго пути изъ Надежной, такъ какъ желали лично побесѣдовать съ колонистами, которыхъ застать дома днемъ было бы трудно. Кромѣ Пріютной, на пути нашемъ лежало нѣсколько русскихъ деревень; издали видны: одна нѣмецкая колонія и еврейская кол. Сладководная. Мы снова провѣряемъ свои впечатлѣнія, снова спрашиваемъ другъ друга, каковъ при сравненіи *общій внѣшній видъ* видѣнныхъ колоній. Сначала намъ казалось, что отсутствіе огородовъ, зелени является болѣе или менѣе объективнымъ признакомъ для отличія еврейскихъ поселеній отъ другихъ, но вотъ одинъ за другимъ появляются малорусскіе хутора, и тотъ же недостатокъ въ огородахъ и садахъ, тотъ же «мерт-

* Гр. Канкринъ, „Евр. землед. колоніи Алекс. у.“. стр. 233.

венно-унылый видъ»,—какъ выразился одинъ изъ бытописателей колоній. Напротивъ, показавшаяся издали кол. Сладководная, населенная еврейскими выходцами изъ Гродненской губерніи, производила впечатлѣніе живописно расположенной деревушки, утопавшей въ зелени.

— Нѣтъ—замѣчаетъ мой спутникъ—мнѣ кажется, что разница въ другомъ: помните и въ Роскошной, и въ Богодаревкѣ, и въ Пріютной мало отдѣльныхъ строеній на дворѣ, напр. сараевъ, амбаровъ; такія строенія придаютъ деревнѣ осѣдлый, зажиточный видъ. Вотъ смотрите: у этого крестьянина-малоросса,—продолжалъ онъ, указывая мнѣ издали усадьбу одного изъ хуторянъ,—у него цѣлыхъ четыре строенія, кромѣ жилья.

Не успѣли мы отъѣхать тридцати шаговъ, какъ рядъ усадебъ другихъ хуторянъ въ томъ же селеніи рѣзко опровергъ нашу новую гипотезу. Вотъ онѣ-то дѣйствительно поражали своимъ «мертвенно-унылымъ видомъ»: пять избъ подъ рядъ,—и ни одного амбара, хлѣва, конюшни; крыши поизодраны, домики покосились .. Вотъ опять крестьянская деревня, и мы снова останавливаемся, снова сравниваемъ: кругомъ та же широко растянувшаяся, выжженная солнцемъ степь, та же примитивная архитектура жилыхъ помѣщеній, отсутствіе изгородей и надворныхъ строеній, и рѣдко рѣдко гдѣ молодыя, недавно посаженныя деревья или садикъ нарушали однообразіе картины. Намъ приходила мысль, что дѣло, должно быть, во внутренней обстановкѣ поселянъ, въ составѣ хозяйственнаго инвентаря,—и мы рѣшили въ Надежной подвергнуть тщательному осмотру не только поля и хозяйство колонистовъ, но и осмотрѣть то, что дѣлается внутри этихъ домиковъ и внутри большинства дворовъ.

— Скоро Надежная,—прервалъ наши разсужденія ѣздившій съ нами колонистъ изъ Роскошной,—вонъ тамъ—видите—дома-то все съ садиками... А вотъ направо, чуточку не доѣзжая поля ихняго, такой у нихъ «плантацъ» есть, откуда всѣ потомъ брать будемъ деревья для своего хозяйства. Намедни намъ такъ изъ попечительства садовники сказывали...

Но мы мало слушали нашего словоохотливаго спутника и съ большимъ любопытствомъ оглядывались по сторонамъ. Мы были довольны. Однимъ только общимъ видомъ своимъ Надежная производитъ уже отрадное, освѣжающее впечатлѣніе... Вы видите

предъ собою зажиточную малорусскую деревню, порядочно устроенные домики. Соломенныхъ крышъ сравнительно немного. Чуть ли не у каждаго домика глазъ вашъ ласкаетъ столь скудная въ другихъ колоніяхъ зелень. Это либо огородъ, либо садикъ съ десяткомъ-другимъ фруктовыхъ деревьевъ. На главной улицѣ тихо, во дворахъ просторно, чисто и опрятно. Изъ ряда зданій выдѣляется синагога, также не въ примѣръ другимъ колоніямъ лучше отдѣланная и болѣе внушительная. Впечатлѣніе дополняется затѣмъ болѣе близкимъ осмотромъ хозяйствъ и знакомствомъ съ домашнимъ бытомъ колонистовъ.

Мы вошли въ помѣщеніе, гдѣ живетъ съ своимъ семействомъ шульцъ Надежной. Мать и дочь возились на кухнѣ, всѣ остальные члены семьи были на работѣ. Просторная, опрятная изба разбита перегородками на нѣсколько небольшихъ, полутемныхъ, какъ намъ показалось сначала, комнатъ. Молодая дѣвушка поспѣшно отперла ставни, и мы очутились въ настоящей крестьянской «свѣтлицѣ» съ незатѣйливымъ убранствомъ: комодъ изъ темнаго ясеня, деревянный диванъ, простой столикъ съ бѣлою вязанной скатертью, шкафикъ съ посудой, длинныя скамейки вдоль стѣны, маленькое зеркальце, лубочныя картинки. Почти ту же обстановку мы видѣли у одного изъ поселянъ-малороссовъ въ Мал. Михайловкѣ, въ началѣ нашей поѣздки. Одно только напоминало здѣсь, что мы въ *еврейской* свѣтлицѣ: это висѣвшіе на стѣнѣ противъ входа портреты англійскаго филантропа Моисея Монтефіоре и извѣстнаго ковенскаго талмудиста, р. Исаака Эльхонона Спектора.

Самого шульца не было въ Надежной: по дѣламъ службы, онъ поѣхалъ въ сосѣднюю Графскую колонію, въ приказъ. Прибѣжавшій съ поля сынокъ его, здоровенный мальчуганъ лѣтъ 13, взялся съѣздить за нимъ. До Графской верстъ 7—8, и намъ не хотѣлось собственно такъ безпокоить добрыхъ людей; мы полагали, что помимо шульца въ колоніи найдется другое освѣдомленное о ея положеніи лицо. Но мальчикъ настоялъ на своемъ. Мы не успѣли оглянуться, какъ онъ уже сидѣлъ на неосѣдланной лошади и въ карьеръ пустился по направленію къ Графской, — только его и видали. Ѣздилъ онъ молодцомъ...

Мой спутникъ, который раньше настаивалъ, что не стоитъ лошади сѣдлать и ѣздить такъ далеко, былъ особенно въ восторгѣ при видѣ того, какъ ловко мальчуганъ справлялся съ лошадью,

Онъ высказалъ это замѣчаніе вслухъ, чѣмъ доставилъ немалое удовольствіе женѣ шульца. Она вся просіяла отъ гордости... Что подумала бы эта самая мать, — пришло мнѣ въ голову, — еслибъ лѣтъ 40 тому назадъ ея родители не поселились въ этихъ мѣстахъ, а остались гдѣ-нибудь въ Друѣ или Сморгони; въ какой ужасъ она пришла бы по поводу подобной мальчишеской выходки ея первенца! Въ восторгъ ее могла бы привести только какая-нибудь необыкновенная острота сынка, или непомѣрная въ его возрастѣ эрудиція въ богословскихъ трактатахъ... Но *здѣсь* эта мать была довольна, когда мы сказали ей, что сынъ ея здоровый, сильный мальчикъ, и совсѣмъ ублажена, когда разслышала лестный отзывъ о его умѣніи ѣздить верхомъ.

Вся семья шульца—какъ мы узнали потомъ—принимаетъ самое дѣятельное участіе въ работахъ по хозяйству. А хозяйство у него порядочное: какъ и Э. въ Богодаревкѣ, онъ арендуетъ десятинъ 60 изъ запасныхъ земель; на дворѣ у него всего вдоволь: и зерноваго запаса съ прошлаго года, и орудій, и повозокъ, и скота. Всѣ хозяйственныя постройки—конюшня, клуня и сарай—въ хорошемъ состояніи. Кромѣ косилки, находившейся въ это время на степи, мы замѣтили еще въ лѣвомъ углу клуни нѣсколько плуговъ (если не ошибаюсь, пару однолемешныхъ и пару трехлемешныхъ), вѣялку, соломорѣзку, пару боронъ, нѣсколько катковъ. Въ конюшнѣ не навалено, чисто; на дворѣ подъ открытымъ небомъ стоитъ только простенькая бричка, наполненная сѣномъ.

Но шульца все нѣтъ... Мы становимся нетерпѣливыми, и хозяйка даетъ намъ въ провожатые другого сынка помоложе, который—по ея указанію—долженъ повести насъ къ нѣсколькимъ сосѣднимъ колонистамъ, а также къ мустервирту. Мужчинъ мы нигдѣ не застаемъ: всюду царство женщинъ. На порогѣ одной избы сидѣла дѣвочка, съ бойкими черными глазками, которая разсказала намъ скороговоркой на жаргонѣ, что папа и мама съ утра оба на полѣ, потому что сегодня уже «послѣдній день *ихъ*», а на завтра надо косилку сосѣдямъ отдавать. «Должны поспѣть»—внушительно заключила 8-лѣтняя пейзанка, — и намъ трудно было удержаться отъ улыбки при видѣ того, съ какимъ озабоченнымъ, дѣловымъ видомъ все это было сказано. Мы вступили съ нею въ разговоръ: изъясняется она только на жаргонѣ; другіе діалекты

ей недоступны; въ хедерѣ еще не учится, но послѣ Кущей ее отдадутъ вотъ къ тому меламду, что наискосокъ живетъ; хотѣла бы работать въ полѣ, да мама не пускаетъ.

Внутренность жилыхъ помѣщеній оказалась уже мало интересною: тотъ же комодъ, тѣ же портреты, старинные стѣнные часы и т. д. Нѣсколько интереснѣе и разнообразнѣе былъ составъ хозяйственнаго инвентаря у различныхъ колонистовъ. Одинъ изъ нихъ, Ш—вичъ, былъ, несомнѣнно, еще болѣе состоятельнымъ хозяиномъ, чѣмъ шульцъ. Правда, на обстановкѣ его жилья это не отражалось, но о его благосостояніи свидѣтельствовали и громадная конюшня, и запасы хлѣба въ амбарѣ, обиліе скота и орудій. Десятка полтора лошадей, столько же коровъ и телятъ, четыре плуга, съ полдюжины бричекъ, пара косилокъ—ужъ не говоря о вѣялкѣ, соломорѣзкѣ и т. п.,—все это въ колоніяхъ незаурядное явленіе. Другія хозяйства были скромнѣе, но отпечатокъ зажиточности лежалъ на большинствѣ изъ нихъ. Хорошо живется въ Надежной и мустервирту. Вышедшая намъ на встрѣчу добродушная, толстая нѣмка, жена мустервирта, увѣряла насъ, что она и мужъ очень довольны; сосѣди не обижаютъ, свое дѣло дѣлаютъ, урожай вотъ только плохой въ этомъ году, не то что въ прошломъ...

— А скажите, пожалуйста, — прервалъ я ее,—обращаются къ вашему мужу колонисты за совѣтами? Приходится ли еще учить ихъ работать, сѣять, пахать, хлѣбъ собирать?

— Ахъ, то было давно, когда изъ города начальство этого требовало. А теперь не требуютъ. Да и чему ихъ учить? Сами все знаютъ и умѣютъ... Среди нихъ и такіе есть, что богаче нашего!

Ни внутренняя обстановка мустервирта, ни его хозяйство не представляли чего-либо особенно интереснаго.

Мы продолжали нашъ осмотръ и въ одномъ изъ домовъ колонистовъ наткнулись на хедеръ, — тотъ самый, о которомъ говорила намъ раньше дѣвочка. Правда, хедеръ помѣщался въ двухъ сносныхъ, свѣтлыхъ комнатахъ, и дѣти не задыхались въ душной атмосферѣ. Глава этого хедера — еще не старый меламедъ, произведшій на насъ съ перваго взгляда впечатлѣніе болѣе или менѣе интеллигентнаго субъекта,—оказался однако такимъ рутинеромъ, такимъ неумѣлымъ, безтолковымъ преподавателемъ, что эта печальная картина обученія опять повергла насъ въ отчаяніе. Методы обученія еврейской грамотѣ у него самые при-

митивные; большинство дѣтей даже текстъ молитвъ разбираетъ съ трудомъ; Библію переводятъ, конечно, на жаргонъ — и на прескверный жаргонъ. Успѣхи въ русской грамотѣ еще ниже: дѣти коверкаютъ при чтеніи слова, произносятъ ихъ съ отчаяннымъ акцентомъ и обыкновенно на половину не понимаютъ того, что читаютъ. И зачѣмъ, спрашивается, было держать дѣтей въ эту жару за книжкой? Неужели ихъ сверстники въ городахъ болѣе заслужили каникулъ, чѣмъ они, «дѣти луговъ и полей», ближе стоящія къ природѣ и томящіяся въ тѣсныхъ стѣнахъ хедера въ то самое время, когда на дворѣ такъ хорошо, вся семья въ полѣ, все кругомъ на свѣжемъ воздухѣ. Бѣдныя дѣтки!..

Это было первое и, кажется, единственное непріятное впечатлѣніе, вынесенное нами изъ колоніи Надежной.

Покончивъ съ осмотромъ домовъ, мы снова направились къ шульцу. Онъ уже ждалъ насъ вмѣстѣ съ нѣсколькими колонистами, полюбопытствовавшими узнать, кто и зачѣмъ неожиданно пожаловалъ къ нимъ. Все это былъ рослый, здоровый, добродушный народъ. Разговорились о томъ, о другомъ,—и рѣчь зашла о лучшей постановкѣ школьнаго дѣла въ колоніи. Колонисты разсказали, что они уже года 4 тому назадъ составили приговоръ объ учрежденіи у нихъ благоустроеннаго училища, но до сихъ поръ нѣтъ никакого отвѣта... (*См. Приложеніе 7-е*). Они бы и сами рады обучать дѣтей у толковаго, знающаго учителя, да такого, при отсутствіи школы, не легко сыскать.—Садоводствомъ и огородничествомъ у нихъ уже понемногу кое-кто занимается; но это—говорили они — дѣло сложное и рискованное. «Пожалуй, ежели дадутъ намъ съ «плантаца нашего» деревьевъ, мы времени своего не пожалѣемъ, какъ слѣдуетъ присмотримъ».

Колонисты провели насъ на эту «плантацію», подъ которую было отведено еще въ 1892 г. до 10 десятинъ. Теперь она исподволь засаживается. Современемъ «плантація» будетъ, вѣроятно, прекраснымъ разсадникомъ различныхъ древесныхъ породъ какъ для Надежной, такъ и для другихъ прилегающихъ къ ней колоній. Возникала даже мысль устроить при этомъ питомникѣ нѣчто въ родѣ образцовой фермы или небольшой сельскохозяйственной школы. Колонисты охотно показываютъ плантацію, гордятся ею и тщательно ухаживаютъ по очереди за посадками.

— Эхъ, дожили бы хоть дѣтки до того, какъ выростутъ эти

деревья,—вдругъ замѣтилъ одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ съ оттѣнкомъ грусти въ голосѣ.—Вѣдь вотъ сказываютъ, будто уже новый законъ такой есть, что землю у насъ велѣно отобрать въ казну, подати платить вдвое, а скоро и совсѣмъ прогонять...

Я старался, насколько было возможно, разубѣдить пессимистически настроеннаго колониста. Но не скрою, что картина растянувшейся на нѣсколько верстъ плантаціи, предназначенной для *будущихъ* колонистовъ, наряду съ слухами, на которые намекалъ колонистъ, наводила на грустныя размышленія...

V.

Въ Пріютной. — Перепись графа Канкрина.—Маріупольское попечительство и нужды колоній.

Колонія Пріютная считается самою бѣдною среди 17 еврейскихъ колоній Екатеринославской губерніи. Дома въ Пріютной, въ отличіе отъ большинства другихъ колоній, нѣсколько разбросаны; наружный видъ ихъ не всегда привлекательный: это была единственная колонія, гдѣ мы замѣтили прорѣхи въ крышахъ, ветхость жилыхъ помѣщеній, и гдѣ особенно замѣтно бросалось въ глаза отсутствіе надворныхъ построекъ. Но было бы большою несправедливостью по отношенію къ обиженнымъ судьбою обитателямъ этой колоніи утверждать, что *вся* колонія имѣетъ унылый, безотрадный видъ. Даже у бѣдныхъ колонистовъ попадаются предъ домами небольшіе садики собственной посадки; въ колоніи нѣсколько каменныхъ зданій (синагога, общественный магазинъ и баня), а у болѣе состоятельныхъ колонистовъ хозяйства—настоящія «усадьбы» съ обширнымъ дворомъ, множествомъ пристроекъ, фруктовыми садами, огородами и пр. Правда, такихъ хозяйствъ въ этой колоніи немного. Въ одномъ изъ нихъ, у колониста Х-та,—мы нашли въ амбарахъ полный инвентарь сельскохозяйственныхъ орудій: по нѣскольку штукъ однолемешныхъ и двухлемешныхъ плуговъ, съ полдюжины боронъ, двѣ косилки, нѣсколько бричекъ, повозокъ, и—что мы видѣли еще у колонистовъ впервые—*сѣялку*, спеціально выписанную имъ изъ Одессы. Порадовалъ насъ и его небольшой, но дающій уже нѣкоторый доходъ, плодовый садъ. Очевидно, дѣло развитія въ колоніяхъ садоводства и огородничества, при извѣстныхъ усиліяхъ, имѣетъ шансы на успѣхъ.

Надо отдать справедливость Х-ту, что онъ самъ весьма рачи-

тельный и усердный хозяинъ. Къ тому же онъ человѣкъ грамотный: умѣетъ вѣрно разсчитать, хорошо купить и продать; многіе колонисты такъ и объясняютъ его удачи. Онъ по цѣлымъ днямъ на работѣ, за всѣмъ присматриваетъ, а это нелегко уже потому, что онъ снимаетъ около двухъ сотъ десятинъ изъ казенныхъ участковъ и нѣсколько десятинъ у *своихъ же односельчанъ* (явленіе очень рѣдкое въ екатеринославскихъ колоніяхъ, какъ намъ потомъ сказали). Гордость Х—та составляетъ его вѣтряная мельница *, которая обошлась ему въ значительную сумму, и даетъ ему теперь порядочную прибыль: работа кипѣла на мельницѣ, когда мы вошли туда. У Х—та цѣлый штатъ наемныхъ рабочихъ, преимущественно изъ окрестныхъ крестьянъ. Я полюбопытствовалъ узнать, почему онъ не беретъ рабочихъ изъ среды бѣдныхъ колонистовъ Пріютной. Оказалось что—какъ колонисты ни бѣдны,—они предпочитаютъ перебиваться на своемъ родномъ участкѣ.

Домашняя обстановка, въ которой живетъ Х—тъ, значительно скромнѣе той, какую мы видѣли у шульца въ Надежной, хотя несомнѣнно, что Х—тъ во много разъ богаче этого шульца. Простота и скромность поразили насъ и въ дѣтяхъ Х—та. Старшій сынъ возился цѣлый день на полѣ: весь загорѣвшій отъ солнца, въ простой покрытой пылью блузѣ, съ засученными рукавами, мускулистыми руками, этотъ 18 лѣтній «сынъ помѣщика» былъ работникомъ въ полномъ смыслѣ слова... Его наивная искренняя рѣчь, печать невозмутимаго добродушія на лицѣ и нѣкоторая застѣнчивость окончательно расположили насъ въ его пользу. Другой сынъ—подростокъ лѣтъ 16—уже былъ нѣсколько прикосновененъ къ городской культурѣ: онъ пріѣхалъ домой на каникулы, такъ какъ обучается въ находящемся неподалеку отъ Пріютной гнѣдинскомъ техническомъ училищѣ. Отецъ хочетъ, чтобы изъ него вышелъ человѣкъ, «имѣющій понятіе по этой части», но предполагаетъ оставить его при своемъ хозяйствѣ. Когда мы собирались уже уходить отъ Х—та, я вспомнилъ, что въ появившемся недавно описаніи колоній мѣстнаго предводителя дворянства гр. Канкрина (Екатериносл., 1893) именно этотъ дворъ Х—та и вся колонія Пріютная изображены какимъ-то притономъ конокрадовъ,

---

* О другихъ колоніальныхъ мельницахъ см. *Приложеніе 6-е*.

и про жителей Пріютной говорится, что они занимаются чѣмъ угодно, только не земледѣліемъ.

Я и въ другихъ колоніяхъ тщательно освѣдомлялся относительно того, бывалъ ли у нихъ часто гр. Канкринъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ производилъ въ 1892 году свою перепись? Но повсюду я получалъ категорическій отвѣтъ, что никакого графа Канкрина въ глаза не видали, нѣкоторые не имѣли даже представленія о томъ, кто такой этотъ графъ Канкринъ... Болѣе смѣтливые колонисты и шульцы вспоминали, что года два тому назадъ по колоніямъ разъѣзжалъ не то письмоводитель, не то прикащикъ графа, который держалъ при себѣ книгу Улейникова и дѣлалъ какія-то помѣтки карандашемъ, разспрашивалъ, разузнавалъ, даже ссорилъ между собою колонистовъ, чтобъ «выпытать правду». Судя по субъекту, собиравшему свѣдѣнія, они и тогда чуяли недоброе. Въ Пріютной видѣли самого гр. Канкрина нѣсколько разъ проѣзжающимъ, такъ какъ по близости находится его имѣніе, но опять-таки никто не замѣчалъ, чтобъ онъ лично участвовалъ въ опросѣ колонистовъ. Съ Х—томъ, если не у самаго графа, то у его сподручнаго, какіе-то старые счеты... Во всемъ описаніи грабежей и хищеній, приведенномъ въ книгѣ графа,—мы вынесли въ томъ прочное убѣжденіе—ни слова правды. Х—ту совѣтовали привлечь автора къ судебной отвѣтственности, но онъ разсудилъ, что «куда ему, простому колонисту, тягаться съ предводителемъ» и рукой махнулъ...

Въ Пріютной насъ сопровождалъ при нашемъ осмотрѣ одинъ изъ постоянныхъ жителей Маріуполя, хорошо освѣдомленный о положеніи колоній. Онъ самъ уроженецъ колоній, часто сюда наѣзжаетъ и чуть ли не всѣхъ колонистовъ знаетъ на перечетъ, прекрасно знакомъ съ исторіею всѣхъ «посѣщеній», «мѣропріятій», «обслѣдованій» и т. п. По нашей настоятельной просьбѣ, онъ согласился сопровождать насъ на обратномъ пути, и мы обязаны ему многими весьма интересными и цѣнными свѣдѣніями, которыя можно получить только на мѣстѣ отъ очевидцевъ.

Книгу гр. Канкрина онъ читалъ, и то, что онъ сообщилъ намъ о ея составленіи, удивительно совпало съ тѣмъ, что́ удалось намъ узнать путемъ собственныхъ разспросовъ. Разница была лишь въ томъ, что его свѣдѣнія распространялись и на тѣ колоніи, которыхъ намъ не удалось лично осмотрѣть. Графа К. нигдѣ, кромѣ Пріют-

ной, *никто изъ колонистовъ не видалъ*, — это было уже теперь внѣ всякаго сомнѣнія. Такъ-то производилась эта «подворная перепись». Въ литературномъ предпріятіи графа К. нашъ спутникъ усматривалъ отголосокъ той борьбы, которая уже десять лѣтъ ведется между маріупольскимъ попечительствомъ о колоніяхъ, съ одной стороны, и мѣстною администраціею и земствомъ, съ другой. Однако подъ существующее попечительство никому такъ и не удалось подкопаться; оно пока вышло цѣлымъ и невредимымъ изъ агитаціи, которая все время велась противъ него. Во главѣ попечительства стоитъ по прежнему Н. Ковальскій, человѣкъ искренно преданный дѣлу преуспѣянія колоній и положившій на это дѣло не мало труда. Хорошо то, что колонисты его побаиваются, стараются аккуратно исполнять его предписанія и довольны, когда удостоиваются его одобренія.

Для того, чтобы обезпечить екатеринославскимъ колоніямъ будущность и поставить ихъ на должную высоту, необходимо — по словамъ нашего спутника — прежде всего, улучшить земельныя условія колонистовъ.

«При 30-ти десятинномъ надѣлѣ, — говорилъ онъ намъ, — мудрено вести хозяйство *нѣсколькимъ семьямъ*; съ каждымъ годомъ—продолжалъ онъ—въ колоніяхъ становится все тѣснѣе».

Но это мы знали сами, и насъ интересовалъ другой вопросъ: чѣмъ же все-таки, по мнѣнію этого—какъ мы успѣли убѣдиться—несомнѣнно наблюдательнаго, здравомыслящаго человѣка и знатока колоній, можно *и при настоящихъ условіяхъ* пособить колоніямъ?

На сколько мы его поняли, на сколько мы сами могли заключить изъ личныхъ наблюденій, есть не мало колонистовъ, которыхъ необходимо хоть на время поддержать—путемъ ссуды на инвентарь, на ремонтъ помѣщеній, на пріобрѣтеніе скота и т. п. Далѣе необходимо, чтобы колонисты завели у себя болѣе интенсивную систему хозяйства. Не всѣ, напр., колонисты знаютъ употребленіе наилучшихъ орудій; не у всѣхъ достаточно средствъ, чтобъ пріобрѣсти себѣ такія орудія. Пахота и посѣвъ у многихъ еще совсѣмъ примитивные; попадаются безтолковые работники, которые по невѣжеству не думаютъ о лучшихъ способахъ. Наконецъ, колонисты почти исключительно занимаются разведеніемъ хлѣбныхъ злаковъ; между тѣмъ на югѣ для фруктовъ, овощей, табаку, свекловицы, шелководства—условія весьма благопріятныя.

— Одними увѣщаніями—говорилъ нашъ спутникъ—тутъ ничего не подѣлаешь. Надо, чтобъ сами понимали, въ чемъ для нихъ выгода. А имъ гдѣ? На цѣлую колонію десятка грамотныхъ не насчитаешь... И все по старому хотятъ дѣлать. Вѣдь, сколько вотъ съ ними бились, пока заставили взяться деревья разводить!

И онъ намъ разсказалъ, какъ много потрудились въ этихъ видахъ и главный попечитель Н. Ковальскій, и мѣстный членъ комитета землед. фонда М. В. Майданскій. Послѣдній испросилъ на этотъ предметъ ассигновку въ 1500 руб. изъ суммъ еврейскаго земледѣльческаго фонда, обращался какъ письменно, такъ и устно къ колонистамъ, ихъ шульцамъ и «море-героэсъ», разъясняя имъ на ихъ языкѣ, доступными имъ сравненіями и образами, полезное значеніе древесныхъ насажденій. Главный надзоръ за ходомъ насажденій имѣлъ самъ попечитель колоній Ковальскій: онъ выписалъ съ этой цѣлью садовника изъ Одессы, лично объѣзжалъ и осматривалъ посадки и вообще старался развить въ колонистахъ любовь и интересъ къ древонасажденію. По его же ходатайству, министерство госуд. имущ. отпустило для надобности еврейскихъ колоній 74000 сѣянцевъ и саженцевъ. Согласно вѣдомости, которую мнѣ показали потомъ въ Екатеринославѣ, къ концу 1893 г. на усадьбахъ колонистовъ посажено было 75096 деревьевъ(*Приложение 8-е и 9-е*). Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ — надѣются въ попечительствѣ — и большинство колоній будетъ «утопать въ зелени».

Этимъ же двумъ дѣятелямъ колонисты обязаны возбужденіемъ вопроса объ учрежденіи школъ въ колоніяхъ, что́ также составляетъ неотложную потребность подрастающаго поколѣнія колонистовъ.

Совершенно стемнѣло. Наша бричка подъѣзжала къ вокзалу... Нѣсколько минутъ спустя поѣздъ уносилъ насъ на далекій сѣверъ.

Колоніи съ ихъ незатѣйливой деревенской обстановкой остались позади насъ, но живые образы евреевъ-тружениковъ, жнецовъ и пахарей, ихъ выросшихъ среди простора полей и луговъ дѣтей сопутствовали намъ. Мы уѣзжали съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія по поводу всего видѣннаго и слышаннаго, съ вѣрою въ лучшее будущее этихъ колоній и возможность дальнѣйшаго развитія еврейскаго земледѣлія въ Россіи...

С.-Петербургъ, августъ 1894 г.

Данныя о народонаселеніи въ 17 еврейскихъ колоніяхъ Екатеринославской губ. (къ 1 января 1894 г.).

Названіе колоній.	Число семействъ * ревизскихъ.	Душъ наличныхъ къ 1 января 1894 г.			Домовъ еврейскихъ.
		муж.	жен.	всего.	
Новый-Златополь	62	411	367	778	90
Веселая	27	215	184	399	47
Красноселка	42	306	283	589	71
Межирѣчь	37	257	258	515	62
Трудолюбовка	32	249	236	485	75
Нечаевка	21	179	174	353	58
Графская	26	174	172	346	46
Зеленое-Поле	39	351	361	712	88
Надежная	40	332	319	651	93
Сладководная	28	168	167	335	46
Пріютная	29	143	131	274	32
Роскошная	26	152	140	292	44
Богодаревка	35	260	251	511	72
Горькая	26	210	193	403	53
Затишье	40	298	235	533	73
Ровнополь	42	240	235	475	70
Хлѣбодаревка	19	100	98	198	39
Итого	571	4045	3804	7849	1059

* Число *семействъ*—необходимо имѣть въ виду—не означаетъ числа *хозяйствъ*, такъ какъ въ нѣкоторыхъ семействахъ имѣется по нѣсколько отдѣльныхъ хозяйствъ, которыя считаются въ одномъ ревизскомъ семействѣ и пользуются однимъ надѣломъ земли.

Приложеніе 2-е.

Землевладѣніе и аренда.

Количество находящейся въ пользованіи колонистовъ земли со времени произведенной въ 1890 году г. Л. Улейниковымъ подворной переписи почти не измѣнилось, и сообщенныя намъ свѣдѣнія совпали въ большинствѣ случаевъ съ тѣми цифрами, которыя содержатся въ таблицѣ II у г. Улейникова (листъ 15). Нѣкоторыя измѣненія оказались только въ данныхъ о количествѣ *арендуемой* земли. По отчетамъ, къ началу 1894 года колонисты арендовали отъ казны:

Кол.	Богодаревка	661	дес.	Кол.	Нечаевка	654	дес.
„	Веселая	450	„	„	Новозлатополь. . . .	2186	„
„	Горькая	501	„	„	Пріютная.	476	„
„	Графская.	385	„	„	Роскошная	1957	„
„	Затишье	480	„	„	Сладководная	964	„
„	Зеленое Поле	637	„	„	Трудолюбовка. . . .	805	„
„	Межирѣчь	390	„	„	Хлѣбодаревка	730	„
„	Надежная	980	„				

Скотъ и хозяйственный инвентарь * въ колонiяхъ къ 1 января 1894 года.

Названiе колонiй.	Лошадей.	Воловъ.	Коровъ.	Телятъ.	Лошаковъ.	Плуговъ.	Боронъ.	Бричекъ.
Новый-Златополь. .	198	—	225	118	55	69	60	77
Веселая	145	—	130	68	34	54	54	42
Красноселка . . .	174	—	150	97	35	64	66	71
Межирѣчь	165	—	133	51	48	50	35	58
Трудолюбовка. . .	130	—	130	75	22	41	35	60
Нечаевка.	144	—	123	61	34	41	35	50
Графская.	99	—	86	45	39	31	23	41
Зеленое-Поле . .	196	—	207	78	14	62	53	83
Надежная	215	—	198	101	62	72	67	86
Сладководная . . .	116	6	105	84	23	44	40	46
Прiютная	100	4	83	60	25	45	40	32
Роскошная	110	—	90	65	36	33	30	36
Богодаревка . .	170	—	156	85	35	61	60	65
Горькая	140	4	110	76	27	50	45	60
Затишье	122	—	108	72	24	46	43	49
Ровнополь	106	—	101	51	9	32	24	36
Хлѣбодаревка. . .	70	—	48	44	28	22	27	20
Итого.	2400	16	2183	1237	540	817	737	912

* Данныя о земледѣльческихъ орудiяхъ неполны, такъ какъ намъ удалось получить свѣдѣнiя только относительно плуговъ и боронъ.

Приложеніе 4-е.

Данныя о посѣвѣ и урожаѣ въ еврейскихъ колоніяхъ Екатеринославской губерніи за 1893 годъ.

Названіе колоній.	Посѣвъ.				Урожай.				Посѣвъ озимаго хлѣба на 1894 г.	
	Озимаго.		Ярового.		Озимаго.		Ярового.			
	Десят.	Четв.	Десят.	Четв.	Четв.	Четвериковъ.	Четв.	Четвериковъ.	Десят.	Четв.
Нов.-Златополь.	22	11	1468	$965^4/_8$	40	—	5517	—	27	14
Веселая. . .	13	7	$580^3/_4$	$310^1/_2$	11	—	2433	—	86	43
Красноселка. .	7	4	$1085^1/_4$	$574^1/_2$	20	—	3890	—	66	33
Межирѣчь . . .	8	4	$999^1/_2$	$531^1/_2$	23	—	4035	—	38	19
Трудолюбовка	28	$17^1/_2$	$881^3/_4$	$461^5/_8$	84	—	4836	6	$43^1/_3$	$27^1/_2$
Нечаевка . . .	49	$30^5/_8$	$780^1/_2$	$416^1/_2$	196	—	4367	—	34	$21^1/_2$
Графская . . .	$32^1/_2$	$20^3/_8$	$691^1/_4$	$395^6/_8$	80	—	3245	—	79	$4^1/_2$
Зеленое-Поле .	15	$9^3/_8$	$985^1/_2$	$629^1/_2$	45	—	5455	—	145	96
Надежная . .	$42^1/_2$	$26^1/_2$	979	507	110	—	5635	—	57	$35^1/_2$
Сладководная	22	$13^6/_8$	784	$425^1/_8$	65	—	3958	—	51	32
Пріютная . . .	12	$7^1/_2$	710	355	36	—	4130	—	75	47
Роскошная. . .	10	6	645	323	35	—	3730	—	40	25
Богодаревка . .	40	25	1220	610	169	—	6880	—	176	110
Горькая	20	$12^1/_2$	1000	500	70	—	5600	—	90	56
Затишье	60	30	880	498	219	—	3545	—	62	31
Ровнополь. . .	55	$27^1/_2$	652	363	366	—	3307	—	82	41
Хлѣбодаревка .	37	$18^1/_2$	499	271	86	—	1373	—	50	25
Итого . .	473	$271^1/_2$	$14841^1/_2$	$8137^4/_8$	1646	—	71936	6	$1201^1/_2$	661

Площадь посѣвовъ 1894-го года.

Названіе колоній.	Число десятинъ.	Рожь.	Пшеница озимая.	Пшеница яровая.	Ячмень.	Овесъ.	Просо.	Кукуруза.	Картофель.
		Въ четвертяхъ.							
Нов.-Златополь.	1570	$8\frac{3}{4}$	$8\frac{1}{8}$	506	288	19	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{8}$	190
Веселая . . .	$745\frac{1}{2}$	$41\frac{1}{4}$	$12\frac{1}{2}$	226	$105\frac{3}{4}$	11	—	—	$102\frac{5}{8}$
Красноселка . .	$1155\frac{1}{2}$	$27\frac{1}{2}$	$13\frac{3}{4}$	354	$210\frac{3}{4}$	—	—	—	$152\frac{5}{8}$
Межирѣчь . . .	$996\frac{1}{4}$	$20\frac{5}{8}$	$3\frac{1}{8}$	308	$178\frac{1}{4}$	25	$\frac{1}{8}$	—	$97\frac{5}{8}$
Трудолюбовка .	$778\frac{1}{2}$	$27\frac{1}{2}$	$6\frac{1}{4}$	$253\frac{3}{4}$	$203\frac{1}{2}$	—	—	$3\frac{1}{4}$	132
Нечаевка . . .	$722\frac{1}{4}$	$27\frac{1}{2}$	—	178	136	15	$\frac{1}{8}$	$5\frac{1}{2}$	72
Графская . . .	$777\frac{1}{4}$	$37\frac{7}{8}$	$13\frac{1}{8}$	168	$169\frac{1}{8}$	10	$\frac{3}{16}$	$2\frac{3}{16}$	$108\frac{1}{2}$
Зеленое-Поле .	933	$58\frac{5}{8}$	$37\frac{3}{8}$	214	$226\frac{1}{2}$	12	—	$\frac{5}{8}$	$154\frac{1}{2}$
Надежная . . .	$1017\frac{1}{2}$	29	$6\frac{1}{2}$	$300\frac{1}{2}$	160	$36\frac{1}{2}$	$\frac{1}{8}$	1	183
Сладководная .	$763\frac{1}{2}$	$23\frac{3}{4}$	$8\frac{1}{4}$	$225\frac{1}{2}$	$157\frac{1}{2}$	—	—	—	111
Пріютная . . .	732	27	20	200	150	25	2	—	160
Роскошная . .	723	15	10	220	157	10	$1\frac{1}{4}$	—	130
Богодаревка .	1426	50	60	420	240	40	$2\frac{1}{2}$	—	260
Горькая . . .	1010	45	11	280	210	50	2	—	200
Затишье . . .	1200	64	7	481	464	26	—	$15\frac{1}{2}$	$23\frac{3}{4}$
Ровнополь . . .	920	$102\frac{1}{2}$	45	419	$364\frac{1}{2}$	7	—	2	$26\frac{1}{2}$
Хлѣбодаревка .	750	27	23	281	202	$28\frac{1}{2}$	—	6	$7\frac{3}{4}$
Итого . .	$16220\frac{1}{4}$	631	285	$5035\frac{3}{4}$	$3622\frac{7}{8}$	315	$8\frac{13}{16}$	$35\frac{7}{16}$	$2111\frac{7}{8}$

Приложенiе 6-е.

Свѣдѣнiя о колонистскихъ мельницахъ.

Общее число мельницъ въ колонiяхъ—21, изъ нихъ 19 вѣтряныхъ и 2 приводимыхъ въ движенiе конными приводами.

По отдѣльнымъ колонiямъ онѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: по 3 въ Межирѣчи, Новомъ-Златополѣ и Трудолюбовкѣ; по 2 въ Зеленомъ Полѣ, Надежной, Прiютной и Равнополѣ; по 1—въ Графской, Затишьѣ, Нечаевкѣ и Хлѣбодаровкѣ.

Приложенiе 7-е.

Приговоръ уполномоченныхъ отъ обществъ еврейскихъ колонiй Екатеринославской губернiи—объ открытiи шести школъ въ колонiяхъ *.

«1890 года, августа 23 дня, мы, нижеподписавшiеся уполномоченные отъ обществъ еврейскихъ колонiй Екатеринославской губернiи, бывъ сего числа на общемъ сходѣ при графскомъ сельскомъ приказѣ, въ присутствiи г. попечителя колонiй, слушали читанныя намъ: 1) предложенiе херсонско-бессарабскаго управленiя государственныхъ имуществъ на имя г. попечителя колонiй, отъ 24 апрѣля сего года, за № 2936, и приложенную при немъ копiю съ отношенiя г. министра народнаго просвѣщенiя, отъ 13 января сего года, за № 837, на имя г. министра государственныхъ имуществъ по вопросу объ устройствѣ шести училищъ въ еврейскихъ колонiяхъ Екатеринославской губернiи; 2) отзывъ на имя г. попечителя колонiй члена временнаго комитета по образованiю общества ремесленнаго и земледѣльческаго труда среди евреевъ въ Россiи, Михаила Майданскаго, отъ 26 iюля, о томъ, что на постройку означенныхъ выше 6 школъ, временный комитетъ дастъ по первому требованiю колонiальнаго начальства

---

* Приговоръ этотъ находится въ настоящее время на разсмотрѣнiи въ министерствѣ земледѣлiя и госуд. имущ., куда онъ былъ препровожденъ въ концѣ 1890 года при соотвѣтствующемъ отношенiи мѣстнаго управленiя госуд. имущ.

3000 руб. въ безвозвратное пособіе; 3) отзывъ инспектора народныхъ училищъ Екатеринославской губ. отъ 23 мая сего года за № 555, на имя г. попечителя колоній о томъ что для каждой школы, приблизительно для 60 душъ учениковъ, единовременно потребуется: а) на 14 ученическихъ четырехъ-мѣстныхъ партъ около 100 рублей, на сооруженіе классной доски до 10 руб. и шкапа для книгъ—до 30 руб.; на покупку учебныхъ пособій, какъ то: шведскихъ счетовъ, ариѳметическихъ ящиковъ, географическихъ картъ Россіи и Екатеринославской губерніи—около 20 рублей и ежегодно на снабженіе школъ учебниками и классными принадлежностями, какъ напримѣръ: бумагой, перьями, грифельными досками и т. д. до 60 рублей, и наконецъ на уплату жалованья двумъ учителямъ по 350 руб. каждому, и на жалованье преподавателю военной гимнастики по 30 руб., при готовой квартирѣ, отопленіи и освѣщеніи первымъ двумъ учителямъ.

Обсудивъ всѣ эти намъ прочитанныя бумаги, а также разсмотрѣвъ подробно предъявленный намъ планъ на постройку училищъ, по которому по приблизительному разсчету постройка каждаго училища обойдется около 3 тысячъ рублей, а шести—18 тысячъ руб., за исключеніемъ изъ нихъ 3 тысячъ, обѣщанныхъ временнымъ комитетомъ на постройку училища, всего 15 тысячъ руб., и сознавая неотложную необходимость въ устройствѣ въ нашихъ колоніяхъ хотя бы на первое время — 6 училищъ, мы, уполномоченные отъ обществъ еврейскихъ колоній Екатеринославской губерніи, съ общаго всѣхъ насъ согласія, постановили: 1) недостающую на постройку шести школьныхъ зданій сумму, за исключеніемъ 3 тысячъ рублей, обѣщанныхъ временнымъ комитетомъ на этотъ предметъ, въ количествѣ 15 тысячъ рублей, просить колоніальное начальство отнести на счетъ мірскихъ кассъ нашихъ колоній по равной части, по числу ревизскихъ семействъ въ каждой колоніи; на этотъ же источникъ отнести и единовременные расходы на устройство школъ, а также и ежегодные расходы на снабженіе школъ учебниками и классными принадлежностями, какъ напримѣръ: бумагой, перьями, грифельными досками и т. д. до 60 руб., и 700 руб. на уплату жалованья двумъ учителямъ по 350 руб. каждому и 30 руб. на жалованье преподавателю военной гимнастики. Расходы на ремонтъ школьныхъ зданій и наемъ школьныхъ сторожей принять на счетъ тѣхъ

только обществъ, для которыхъ школа будетъ устроена; расходъ же на отопленіе и освѣщеніе школъ и наемъ квартиры второму учителю принять исключительно на счетъ того общества, въ колоніи котораго будетъ устроена школа. Кромѣ того, на эти же общества возложить и расходы по содержанію 19 учениковъ неимущихъ родителей обществъ другихъ колоній, къ училищу приписанныхъ и выбранныхъ по мірскимъ приговорамъ тѣхъ обществъ. 2) Затишьинское общество, какъ неимѣющее своего капитала мірской кассы, обязано нести всѣ расходы по содержанію училища, сколько таковыхъ по числу ревизскихъ семействъ съ него по разверсткѣ причтется, изъ своихъ собственныхъ средствъ, обезпечивъ таковые расходы доходомъ съ соотвѣтствующаго участка земли. 3) Просить господина попечителя колоній принять на себя ходатайство предъ высшимъ начальствомъ о подчиненіи предположенныхъ къ открытію 6 школъ въ еврейскихъ колоніяхъ—въ учебномъ отношеніи—ближайшему вѣдѣнію дирекціи и инспекціи народныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, а не земству; подъ усадьбы для школьныхъ зданій и для разведенія сада отвести въ колоніяхъ, въ которыхъ предположена постройка школьныхъ зданій, на лучшихъ мѣстахъ, по указанію г. попечителя колоній, по одной десятинѣ земли для каждой школы». (*Слѣдуютъ подписи*).

Приложеніе 8-е.

Изъ отчетовъ о ходѣ древонасажденій въ Екатеринославскихъ колоніяхъ.

Посадка деревьевъ на усадьбахъ евреевъ-землёдѣльцевъ начата весною 1892 года, когда по распоряженію попечительства посажено было во всѣхъ 17 колоніяхъ 35577 штукъ деревьевъ. Весною 1893 года была произведена вторая посадка 35137 шт. деревьевъ подъ руководствомъ и наблюденіемъ нанятаго для этой цѣли на общественныя средства садовника Бушкина, государственнаго крестьянина села Бѣльманки, служившаго 12 лѣтъ при разведеніи лѣсовъ у помѣщика Свіягина. Тогда же, подъ руководствомъ того же садовника, были заложены питомники при ко-

лоніяхъ Надежной и Графской. Питомники эти отрѣзаны изъ надѣловъ по разсчету по $^1/_4$ десят. на хозяина.

Питомникъ при колоніи Графской отмежеванъ осенью 1892 года въ количествѣ 9 десятинъ на мѣстѣ стараго питомника, основаннаго въ 1862 году, но погибшаго вслѣдствіе недостаточнаго за нимъ ухода. Питомникъ этотъ (или «плантація», какъ здѣсь говорятъ) представляетъ собой 8 участковъ засаженныхъ ясенемъ и берестомъ, перемежающихся 8 свободными участками. Засаженные участки почти на цѣло высохли и потому теперь постепенно очищаются отъ сухостоя корчевкою. Суховершинныя же деревья вырубаются подъ корень, въ разсчетѣ на новую поросль. Такимъ образомъ очищено уже 4 участка. На мѣстѣ выкорчеванныхъ деревьевъ предполагается сажать 3—4 лѣтніе саженцы лѣсныхъ породъ. Свободные участки засаживаются заново сѣянцами. Пріемы посадки слѣдующіе: посадка производилась рядами, причемъ разстояніе между рядами одна сажень, а между растеніями въ ряду $^3/_4$ арш.; для посадки употреблялись сѣянцы дуба, ясени, клена и ильмовыхъ породъ одно- и двухлѣтняго возраста. На десятину сажалось до 12000 сѣянцевъ. Такимъ образомъ въ колоніи Графской засажены 3 десятины. «Плантація» при колоніи Надежной занимаетъ 10 десятинъ и проѣзжей дорогой дѣлится на двѣ части въ 7 и 3 дес. Плантація эта отмежевана и вспахана была осенью 1892 г. и затѣмъ весною 1893 года 2 дес. заняты были подъ посадку. Пріемы и порядокъ посадки употреблялись тѣ же, что на плантаціи при колоніи Графской. По распоряженію попечительства, садовникъ Бушкинъ неоднократно въ теченіе лѣта объѣзжалъ колоніи, присматривая за исправностью огражденій вокругъ усадебъ, очисткой усадебъ отъ сорныхъ травъ, перекопкой земли вокругъ деревьевъ, давая при этомъ желающимъ изъ земледѣльцевъ совѣты и указанія по садоводству.

Для успѣшнаго роста посаженныхъ на «плантаціи» сѣянцевъ необходимо въ теченіе лѣта подъ ними взрыхлять землю и очищать по мѣрѣ необходимости отъ сорныхъ травъ; такое взрыхленіе съ очисткой травы производилось лѣтомъ 3 раза. При этомъ замѣчено, что производившіе работу евреи-земледѣльцы, вслѣдствіи неумѣнія ихъ исполнять садовыя работы, сапками сѣкли молодыя растенія, почему въ будущемъ предполагается нанимать

постороннихъ рабочихъ для этой цѣли на общественныя средства.

Въ октябрѣ 1893 г. для завѣдыванія работами по посадкѣ деревьевъ въ колоніяхъ приглашенъ былъ окончившій курсъ въ одесскомъ училищѣ садоводства садовникъ Вандрачекъ, на жалованье въ 250 руб. въ годъ изъ общественныхъ суммъ. Подъ его наблюденіемъ съ 14 октября была начата третья посадка во всѣхъ 17 колоніяхъ въ количествѣ 25500 шт. деревьевъ и закончена къ 2 ноября. По окончаніи посадки ему же было поручено попечительствомъ произвести въ колоніи Ново-Златополѣ отрѣзку 15 дес. подъ новую плантацію. Въ ноябрѣ того же года были присланы изъ попечительства сѣмена желудей и дуба, которыя были посѣяны на одномъ изъ свободныхъ участковъ плантаціи при колоніи Графской, предназначенномъ вообще для посѣва сѣмянъ, присланъ былъ также экстирпаторъ для взрыхленія земли, который по желанію можетъ быть болѣе или менѣе углубленъ въ землю и можетъ работать какъ въ широкихъ (до 2 арш.) рядахъ, такъ и въ узкихъ (до $^3/_4$ арш.).

При Графскомъ приказѣ находится общественная плантація всѣхъ 17 колоній. Плантація эта основана въ 1862 году и занимаетъ площадь въ 4 десятины; засажена она большею частью лѣсными породами: берестомъ, ясенемъ и акаціей, но встрѣчаются и плодовыя деревья, какъ яблоня, груша и др. По распоряженію попечителя колоній, надлежало очистить эту плантацію отъ сухихъ деревьевъ и удобныя мѣста занять подъ подготовку сѣянцевъ для плантаціи и закладку плодового питомника, и осенью этого же года начаты были работы въ этомъ направленіи. Работы производилъ работникъ, нанятый на остатокъ средствъ отъ ассигнованныхъ на наемъ работника для этой плантаціи 85 рублей изъ общественныхъ суммъ. Сухія деревья, выкопанныя изъ плантаціи, сложены и отданы подъ присмотръ младшаго садовника. Деревья эти будутъ употреблены для починки забора вокругъ плантаціи и для постройки новаго домика садовникамъ. Въ этой плантаціи находился также небольшой питомникъ акацій, грушъ и кустарныхъ породъ. Желающимъ изъ евреевъ-земледѣльцевъ была роздана часть этихъ деревьевъ, остальныя же будутъ выданы Затишьинскому приказу для посадки на усадьбахъ

земледѣльцевъ. На одномъ изъ свободныхъ участковъ въ серединѣ плантаціи посажено 7000 штукъ дуба, ясеня и клена однолѣтняго возраста.

Кромѣ вышеупомянутыхъ «плантацій» въ колоніяхъ Графской, Надежной, и Ново-Златополѣ, по распоряженію попечительства сельскимъ начальникомъ Затишьинскаго приказа г. Завадскимъ отмежевана еще одна плантація при колоніи Затишьѣ въ 10 десятинъ, такъ, что къ концу 1893 года уже отмежеваны плантаціи: въ колоніяхъ Графской 9 дес., Надежной 10 дес., Новозлатополѣ 15 дес. и Затишьѣ 10 дес., при чемъ тогда же было засажено: въ Графской 3 дес.; въ Надежной 2 дес. Весною 1894 г. приступлено было къ засадкѣ сѣянцами этихъ плантацій, для чего онѣ уже съ осени были предварительно вспаханы.

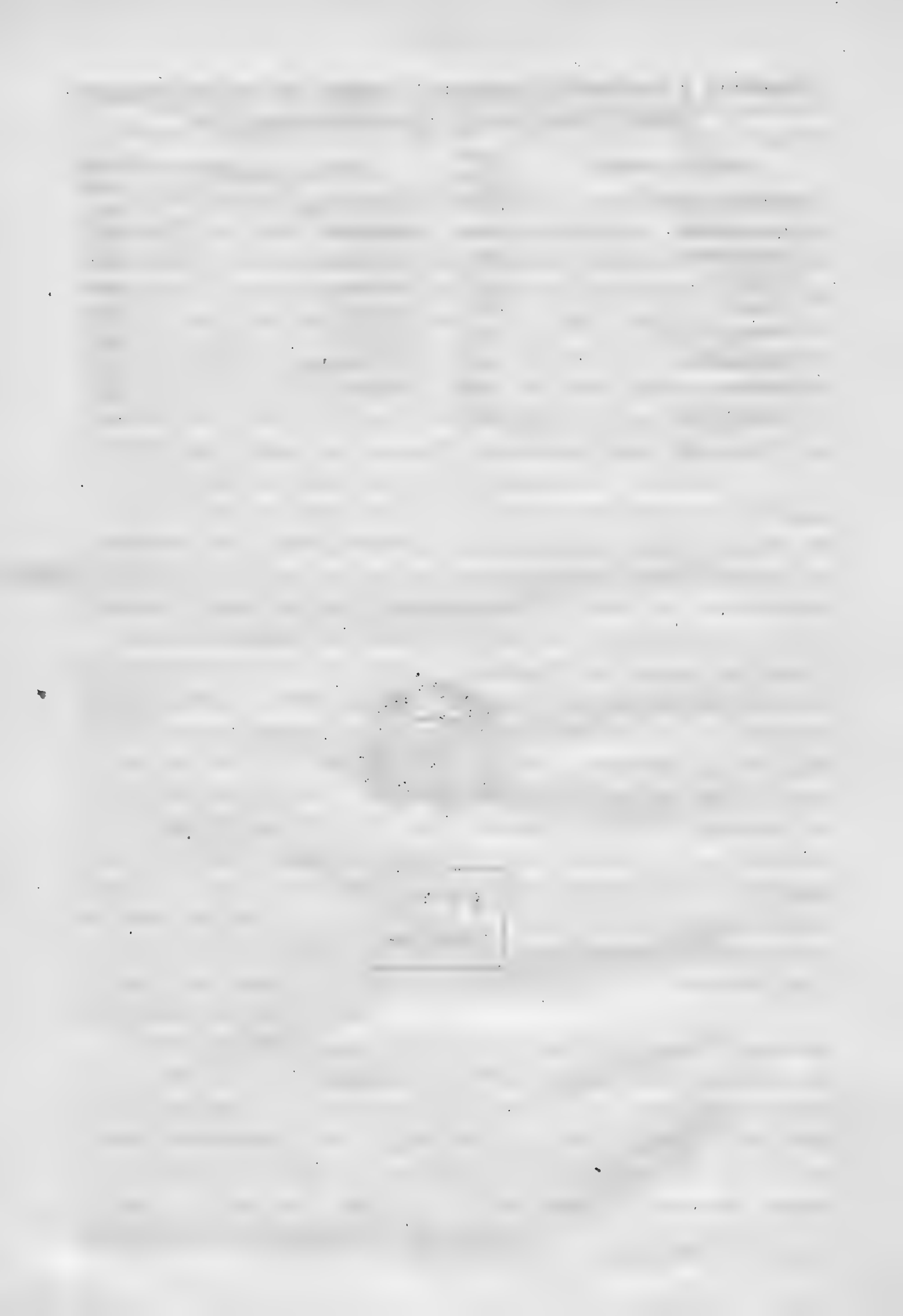
Всѣ эти плантаціи расположены непосредственно при колоніяхъ, которымъ онѣ принадлежатъ. Для предохраненія посадокъ отъ поврежденія скотомъ онѣ обносятся канавами. Земля, вырытая изъ канавы, образуетъ валъ, представляющій дополнительную защиту.

Первая посадка въ колоніяхъ Графской и Надежной, благодаря своевременно произведеннымъ работамъ (въ началѣ апрѣля) и благопріятному лѣту дала превосходные результаты: растенія поднялись очень дружно и дали богатый приростъ. За два года обязательной посадки, 1892 и 1893 годовъ, посажено на усадьбахъ 96214 штукъ разныхъ деревьевъ; по послѣднему же счету произведенному въ ноябрѣ 1893 года, оказалось 75096 деревьевъ (см. ниже таблицу). Такимъ образомъ убыль выразилась въ 21118 шт. или 22%. Такой процентъ пропажи объясняется отчасти неумѣніемъ евреевъ ухаживать за деревьями, отчасти неподходящей почвой. Теперь евреи земледѣльцы замѣтно пріохотились къ садоводству и мало по малу пріучаются садить деревья, выращивать ихъ, ухаживать за ними и пр.

Имѣется также въ виду развести плодовый питомникъ при общей плантаціи всѣхъ 17 колоній, съ тѣмъ, чтобы евреи-земледѣльцы, имѣя возможность покупать за дешевую цѣну плодовыя деревья, болѣе пріохотились къ садоводству и плодоводству. Старшему колоніальному садовнику поручено для этой цѣли купить 100 маточныхъ деревьевъ: яблонь, грушъ, сливъ, абрикосовъ, персиковъ, вишень, черешень и винограда.

Вѣдомость о количествѣ деревьевъ къ концу 1893 года на усадьбахъ евреевъ-земледѣльцевъ Екатеринославской губ.

Названіе колоній.	Колич. дерев.	Названіе колоній.	Колич. дерев.
Новозлатополь	9075	Сладководная	4311
Красноселка	5464	Надежная	3942
Богодаревка	5260	Роскошная	3760
Межирѣчь	5192	Пріютная	3529
Горькая	4944	Равнополь	3436
Затишье	4882	Графская	2606
Трудолюбовка	4651	Хлѣбодаревка	2582
Веселая	4572	Нечаевка	2530
Зеленое Поле	4360		

5

набор
по [illegible]
б-ке [illegible]
[illegible]

12 к